

О СООТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО

Книга антрополога М. Бэнкса, посвященная феномену этничности, начинается словами весьма примечательными для наших дальнейших рассуждений: «На протяжении многих лет "этничность" является ключевым понятием социологии и антропологии, но тем не менее по-прежнему представляется неясным его значение, применение и соотношение с другими понятиями» [1]. С этим трудно не согласиться, потому что практически любой исследователь, касающийся этого феномена, пытается дать собственную интерпретацию этничности. Не избежал этого соблазна и автор этой статьи, в которой этничность рассматривается в контексте соотношения с социальными процессами и структурами.

Каким образом проявляется этнический фактор в современных условиях? Возможно, действительно, как полагает ряд зарубежных ученых, в частности, М. Хайслер [2], в «эпоху постнационализма» она, этничность, трансформировалась в иные — социальные, психологические, политические и экономические — феномены и приобрела «радикально измененные значения» или, попросту говоря, исчезла, а жизнь частного человека обусловлена прежде всего внеэтническими характеристиками социального бытия (уровнем образования, родом занятий, доходом и т. п.), законами, институтами и конкретной политикой.

Однако, если приложить эту теорию даже исключительно к западному обществу, как и делает М. Хайслер, а страны Восточной и Юго-Восточной Европы «отодвинуть» в эпоху национализма, можно увидеть, что этничность будто бы не разделяет людей, за исключением некоторых аспектов их жизни [2, р. 33]. Что же касается чувственного «самоопределения через принадлежность», то оно якобы присуще лишь доиндустриальным обществам. Таким образом придется причислить к этой стадии социального развития все постсоветские государства, включая Российскую Федерацию, а также распавшиеся во многом по «этническим мотивам» Югославию и Чехословакию, которые вряд ли правомерно по темпам развития уподоблять западному обществу первой половины XIX в. Если следовать классификации М. Хайслера, «доиндустриальными» оказываются Канада с проблемой франкоязычного Квебека, Великобритания с нарастающей в части Соединенного Королевства шотландской самоидентификацией и многие другие страны, давно уже находящиеся в постиндустриальном периоде своего развития. Отсюда следует вывод, который нельзя не учитывать при любых рассуждениях об этом феномене: этничность никогда полностью не исчезает и при определенных обстоятельствах может быть востребована на любой стадии исторического развития общества.

Сикевич Зинаида Васильевна — д-р социолог, наук, профессор кафедры культурантропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ, заведующая лабораторией этнической социологии и психологии НИИКСИ СПбГУ.

Адрес: 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд.

Тел.: 271-99-86 (служ.)

Не вызывает сомнения, что этничность — это групповая характеристика, которая обнаруживается в сравнении «нас» с «не-нами». При этом границы группового членства этничности первоначально проходят по антропологическим признакам самоидентификации людей, имеющих общие родовые корни, которые уходят в историческую почву биогенетического и биосоциального единства. Особые генотипические и фенотипические черты, но особенно историческая родина, которая характеризуется географической экологией местности — все это отличает «нас» от «не-нас» в этническом отношении.

Для русских — это «родная сторонка», не случайно однокоренная с понятиями «пространство» и «страна». Своей емкой метафорой «Русская душа ушиблена ширью» [3] Бердяев обратил внимание на влияние природы, ландшафта, в котором формировалась этничность, на социальные характеристики национального самосознания.

В постиндустриальном обществе все эти признаки, вбираемые русским символом «почва», присутствуют уже в неотчетливом, размытом состоянии, «оседающая» в письменном и песенном фольклоре, в былинах и сказаниях, однако именно они в период актуализации этничности изымаются из культурного контекста, идеологизируются, составляя основу групповой солидарности.

Этничность не существует вне сравнения и вне коммуникации, только в ходе взаимодействия с иной этнической группой она может проявить свою особость, «индивидуальность». Это основное проявление этничности, трансформироваться могут и культурные, и организационные характеристики группы, неизменной остается лишь дихотомия: члены данной общности (то есть «мы») и члены других общностей (то есть «не-мы»).

Именно поэтому может сохраниться этническая идентичность даже без единого языка, территории, устойчивых признаков единой культуры, как, например, у цыган. Но пока цыгане осознают свою особость, сравнивая себя с представителями других народов, сомневаться в наличии цыганской идентичности было бы абсурдно.

Однако как только это сравнение перерастает в оценочное противопоставление, этничность приобретает патологические формы этноцентризма и ксенофобии как агрессивной формы неприятия «не-нас».

Этничность — идентификационная категория И на индивидуально-личностном уровне выступает в качестве особой формы «Я»-концепции [4, с. 176—206]. Степень выраженности этнического «Я» зависит от того, как человек определяет самого себя. В структуре личностной определенности, и, прежде всего, в матрице социальной идентификации, этническая принадлежность, судя по данным наших исследований, занимает существенное, хотя и непостоянное место (эффект «ситуативной» этничности).

В кризисной, нестабильной ситуации значимость этнического «Я» существенно повышается, а в период социальной устойчивости как бы «замирает», уступая свое место сугубо социальным характеристикам. Кроме того, замечено, что в «Я»-образе членов этнодисперсных групп «вес» этнического «Я» заметно выше, чем у представителей титульного народа.

Доминантность этнического «Я» неизбежно приводит к конфликту (или, напротив, может быть спровоцирована конфликтной ситуацией) — в любом случае она препятствует эмпатической солидарности на межэтническом и вне-

этническом уровне и акцентируется в ущерб социо-профессиональной, генерационной, политической или иной идентичности. Это чаще всего происходит в том случае, когда этническая группа склонна воспринимать себя как жертву различного рода притязаний со стороны иных этнических групп — более сильных или успешных, то есть в случае актуализации этнических неравенств в массовом сознании. Именно поэтому, кстати, этническое «Я» значительно мощнее выражено у русских в балтийских государствах и в Средней Азии, чем в России, где они находятся в положении не только титульного, но и численно преобладающего народа. На уровне группы этническое «Я» переходит в образ «Мы» [5, с. 73–118], то есть принимает характер групповой идентичности и, одновременно, групповой солидарности, причем последняя выступает в качестве атрибута идентификационной характеристики. Этническая идентичность различна при внутригрупповой и межгрупповой (то есть межэтнической) коммуникации. В первом случае действует установка «я среди своих, таких же как я» и этническая самоидентификация как бы приглушается, во втором — «я среди чужих, других чем я» и значимость этнического «Я» естественным образом возрастает. Поэтому в иноэтнической среде поведение человека, с одной стороны, может приобрести демонстрационный характер («желание показать себя»), с другой же — может строиться сообразно ожиданиям членов иных этнических групп (эффект поведенческой «мимикрии»).

Таким образом речь идет об идентичности «для себя» и идентичности «для других», которые могут существенным образом различаться. Этничность представляет собой культурную или символическую категорию. Современное общество состоит из множества социальных миров — культурных областей, границы которых определяются не территорией или государством, не формальным членством в группе, а пределами эффективных коммуникаций. По мере социального развития общество становится все более структурированным, усугубляется социальная дифференциация, различия начинают преобладать над подобием и в этих условиях объединяющим культуру началом служит совместная символическая среда. Понятная всем и общепринятая система символов, выступая ценностно-нормативным регулятором поведения, способствует культурной консолидации в пределах данной этнической группы, причем этнокультурное символическое «поле» как бы предшествует другим символическим «полям», приобретенным посредством вхождения в различные статусные и формальные группы. Однако следует отметить, что «разорванность» символической среды при сохранении иных модальных атрибутов еще не приводит к утрате этничности. Усвоение системы общих «значений» начинается с младенчества, в ходе первичной социализации, поэтому она может быть обозначена как базовая символическая среда. Вместе с тем этничность является эмоционально-чувственной категорией; этничность переживается, причем это переживание может быть совершенно иррациональным в духе «коллективного бессознательного» [6, с. 97–135]. Не случайно говорят именно о чувстве патриотизма или чувстве национального достоинства. Конечно, тот же патриотизм «конструируется» социально, однако, образно говоря, это «конструкция чувства», а не рационального отношения к своему отечеству и народу. Таким образом на индивидуально-личностном уровне — это особая форма чувственной самоиден-

тификации, выражающаяся в «привязанности» к определенной группе членства, отличающейся от других подобных групп.

В отличие от социальных ролей, статусов и престижа этничность значительно меньше соотносится с динамикой социальных отношений и институтов, с состоянием общества в целом. И в этом смысле этничность наиболее константная категория идентичности.

Вместе с тем интенсивность ее переживания не является неизменной: она возрастает или ослабевает под воздействием внешних социальных условий. Ослабевает, когда значимость этнических неравенств снижается в случае акцентуации идеологической, профессиональной или иной солидарности. Возрастает при обострении межэтнической борьбы за власть, привилегии и престиж, то есть в ситуации социальных изменений, когда идентичность на основе общих «корней» и общеразделяемой культурной символики становится единственной константой, противодействующей социопатии и фрустрации.

Это и есть причина столь бурного протекания этнонациональных процессов в период и после распада СССР. Вместе с тем этническая «мобилизация» вряд ли стала бы возможной, если бы к тому времени этничность полностью «растворилась» под напором советской, то есть одновременно общегражданской и идеологической самоидентификации.

Итак, суммируя все сказанное, под этничностью мы понимаем особое константное, хотя и различное по интенсивности, переживание групповой идентичности и солидарности, формирующееся первоначально на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения «нас» с «не-нами» в ходе межгруппового взаимодействия в этносоциальном пространстве.

Как на индивидуально-личностном, так и на групповом уровнях этничность выполняет ряд существенных функций.

Во-первых, для каждого из членов одной общности этничность, опосредуя институциональные нормы, выступает регулятором социального поведения. Ведь любой человек, обремененный многочисленными статусами, одновременно выполняет целый набор социальных ролей, входит во множество слабо связанных между собою групп, причем каждая роль и каждая группа предъявляют к нему собственные требования, которые зачастую не согласуются, а, напротив, противоречат друг другу. Этничность же регулирует межличностное и межгрупповое общение на основе традиций, обычаев, общепризнанных устойчивых ценностей. В этом состоит регулятивная функция этничности.

Во-вторых, формируя единую символическую среду, этничность выступает в качестве своеобразного информационного фильтра. В современном обществе человек оказывается невольно втянутым в постоянный и хаотический поток разнообразной и нередко внутренне противоречивой информации. Этничность, в известном смысле, не только упорядочивает и систематизирует ее, но и «просеивает» с точки зрения общепринятых культурных ценностей и идеалов. В этом ее информационная функция.

В-третьих, этничность способствует удовлетворению органично присущей человеку потребности в определенной психологической устойчивости и определенности. Актуализация этничности — это защитная реакция психики на унифицированность или нестабильность окружающей социальной среды. Смена

социальных и, в частности, политических детерминант разрушает ценностный мир человека, неизменность же этнического, традиционного в противовес социальной инновации противодействует развитию социально-психологической фрустрации и аномии. Этничность консервативна, и в кризисной, конфликтной ситуации человек стремится укрыться в ней как в материнском лоне. В этом состоит психологическая или защитная функция этничности.

Перечисленные три функции органичны по своему содержанию, две другие носят непостоянный, ситуативный характер.

В определенных обстоятельствах этничность, мобилизуясь в форме национального движения, становится эффективным инструментом для достижения определенных экономических, политических или иных целей, и этот инструмент нередко оказывается действеннее, чем класс или политическая группировка. В условиях социального кризиса или межгруппового конфликта именно этничность (которой, добавим, умело манипулирует элита) предопределяет как социальные экспектации, так и политические требования. В этом проявляется инструментальная, или мобилизационная, функция этничности.

В стадии мобилизации этничность может мотивировать ту или иную направленность сознания и поведения как на групповом, так и на индивидуально-личностном уровне. В этом случае социальная действительность, политические, экономические или иные ценности рассматриваются этнической группой в первую очередь сквозь призму соответствия или несоответствия этнонациональным интересам, сама же акцентуированная этничность выступает в качестве критерия оценки социальных, в том числе и политических, изменений как подкрепляющих или, напротив, унижающих национальное достоинство. В этом заключается мотивационная функция этничности.

Гипертрофия как органических, так и ситуативных функций этничности неизбежно приводит к дестабилизации межэтнических отношений.

Этничность функционирует в едином этническом пространстве, которое является частной формой пространства социального. Его границы определяются как на основе приписывания себе и другим членства в определенной этнической группе, так и на основе принятия и демонстрации некоторых общепризнанных символов.

В самом общем смысле все население России, состоящее из представителей различных народов, располагается в этническом пространстве, в котором отдельные этнические группы (этнические пространства в узком понимании) находятся в определенных отношениях друг с другом, причем каждая из них занимает особое положение в более широкой общности единого этнического пространства.

Этническое пространство, принадлежащее «многонациональному народу» России, существует в определенной пространственной протяженности, иными словами, имеет территориальное измерение, каковым выступает политическое пространство Российской Федерации. В этом значении этническое и политическое пространство России почти совпадают.

Почему же нельзя говорить о полном совпадении этих двух форм социального пространства?

Так, например, этническое пространство русских превышает границы политического пространства России, включая в себя северо-восток Эстонии, боль-

шую часть Донецкой области Украины, северные территории Казахстана и ряд других регионов компактного проживания представителей этого народа. Точно также, к примеру, этническое пространство лезгин практически пополам «разрезано» политическими пространствами Российской Федерации и Азербайджанской республики, а этническое пространство осетин — пространственными пределами России и Грузии. Именно вследствие этого невозможно говорить об абсолютном «наложении» политического пространства на этническое.

Однако политическое пространство имеет не только физическую протяженность, но и содержательное измерение — пределы реального политического влияния, зоны распространения власти, авторитета политических институтов и лидеров [7, с. 301], и в этом случае пределы этнического пространства, с одной, и политического пространства, с другой стороны, могут существенным образом различаться, так как по отношению к отдельным подструктурам (субъектам Российской Федерации, в том числе и республикам, входящим в ее состав) влияние политического пространства может иметь различную степень насыщенности, которая наряду с географической протяженностью и зоной влияния является третьим измерением взаимодействия этнического и политического пространств.

Именно поэтому вряд ли корректно говорить о нахождении в политическом пространстве Российской Федерации не только Чеченской республики Ичкерии, но даже Татарстана и Башкирии, где и степень насыщенности политического пространства Федерации, и реального политического влияния Москвы явно слабее по сравнению с республиканскими политическими институтами.

В условиях организации государства на принципах национально-территориального федерализма, как в России, вторичное политическое, пространство неизбежно накладывается на первичное, этническое, которые выступают как конкурирующие формы единого социального пространства: этничность, особенно в стадии этнополитической мобилизации, стремится «вылиться» за пределы предложенного ей политического пространства, которое, в свою очередь, реорганизуясь «в пользу» этничности (договоры о разграничении предмета ведения между Федерацией и республиками, входящими в ее состав), пытается удерживать ее в своих пределах. В одних случаях это удается (Татарстан), в других — нет (Чечня).

В этническом пространстве, так же как и в политическом, закономерно проявляется система неравенств, формирующихся вследствие этнической стратификации: кто-то господствует (этнонациональное большинство), кто-то подчиняется (этнонациональное меньшинство).

При формальном равноправии на уровне современных законодательств (не является исключением и Конституция РФ) этнополитическая структура политического общества неизбежно основана на власти одной этнической группы над другими, более слабыми, малочисленными или имеющими статус национального меньшинства. (Кстати, это никак нельзя рассматривать как наследие так называемой Советской империи — этнические неравенства существуют в любой этноконтрастной среде и именно они провоцируют противостояние между различными этническими группами и негативный фон этносоциальных отношений.)

Естественно, подобное положение не может не вызывать стремления «подавляемой» общности реорганизовать существующие этнические отношения,

предъявив свои требования по перераспределению властных полномочий. В этом состоит латентная конфликтогенность и самой этничности, и соотношения этнического и политического пространств.

Вместе с тем полиэтничное общество, так же как и многонациональное государство, не может существовать без некоторых общепринятых надэтнических ценностей и должно ради самосохранения стремиться хотя бы к минимальной интегрированности. Этносоциальная, а, в частности, и национально-политическая, интеграция формируется на основе согласия большинства людей различного этнического происхождения следовать единой системе ценностей, признавая ее или хотя бы мимикрируя с ней.

В этом случае латентные дисфункции, существуя, преодолеваются за счет надэтнической солидарности — примером могут служить не только американский или советский народы, но и в определенном смысле «многонациональный» российский народ. При всех противоречиях в межэтнических отношениях, в частности, противостоянии Федерального центра и национально-территориальных образований, известная степень общегражданской солидарности не может не существовать, ибо в противном случае конфликты между всеми этническими группами России приобрели бы не спорадический, а постоянный характер.

Таким образом, вывод очевиден: конфликтогенность и интегрированность являются равнодействующими переменными соотношения этнического и политического пространств, а степень выраженности одной из них напрямую обусловлена степенью устойчивости данной социальной системы.

Специфическими образованиями, обеспечивающими относительную устойчивость социальных связей и отношений в обществе, являются социальные институты, обладающие как формальной (материальной) структурой, так и внутренней, содержательной деятельностью.

Поскольку предмет наших основных рассуждений — социальные проблемы этничности, обратим внимание прежде всего на внутреннее устройство института, потому что именно в этом значении и можно говорить об институционализации этничности. В самом общем виде содержание любого института состоит в «определенном наборе целесообразно ориентированных стандартов поведения определенных лиц в определенных ситуациях» [8, с. 206]. Примерно так же трактуется понятие института и зарубежная социология, рассматривая его в «контексте долговременных и регулярных социальных практик» как «установленные образцы поведения» [9].

Все эти стандарты, образцы или нормы поведения как концентрированное выражение социально значимых потребностей, интересов, вкусов, склонностей и предпочтений интериоризируются индивидом в ходе усвоения элементов культуры, которая, как уже говорилось, является одной из характеристик этничности. Именно в этом процессе происходит слияние системы ценностно-нормативных стандартов поведения с индивидуальной мотивацией людей.

Важно подчеркнуть, что наличие общеразделяемой системы ценностей является необходимой предпосылкой стабильности и интеграции любого общества. Конкретным механизмом же обеспечения этой стабильности и является социальный институт, посредством которого регулируются действия людей в различных сферах жизнедеятельности.

Этничность, подобно семье, может быть отнесена к числу социальных институтов, хотя соединяет в себе черты как социального института, так и социальной общности.

Сам факт вступления в брак означает, что будущие супруги принимают и разделяют господствующие в данном обществе ценностные стандарты семейной жизни. Точно так же и этническая самоидентификация (своеобразный «брак» индивида с этнической группой) свидетельствует о том, что член этнической группы готов солидаризироваться с ценностями данной культуры.

В процессе межличностного взаимодействия происходит усвоение на индивидуально-личностном уровне определенной совокупности потребностей, идеалов, мотивов деятельности, иными словами, — институционализация. Точно так же как молодые супруги интегрируются в социокультурную систему общества, так и член этнической группы осваивает свое этнокультурное пространство. В период актуализации этничности (этнической мобилизации) этнообусловленные социальные нормы и предписания становятся важными регуляторами поведения людей, а этничность в культурно-символическом смысле образует ценностно-нормативное ядро социальной интеграции и контроля, полноценно реализуя таким образом свою регулятивную функцию.

Приложим сказанное к советскому и постсоветскому пространству.

В СССР основным социальным институтом, управляющим ценностно-нормативным комплексом, была идеология, а государственно-идеологическая идентичность — основой социально-психологической дихотомии, выраженной в сравнении «нас» с «не-нами».

Тем не менее процесс институционализации этничности происходил уже в этот период, причем не только на содержательном уровне (этнонациональные образцы и нормы поведения выступали противодействием полному «растворению» в составе советского народа), но и на формальном. Негласное закрепление преференций и квот для так называемого коренного населения в сфере управления национально-территориальными образованиями СССР привело к образованию этнонациональных элит, выступивших инициаторами дезинтеграции союзного государства.

С начала перестройки этничность еще более институционализируется и постепенно сменяет традиционную советскую идеологию основного института регуляции и контроля: новая государственная идеология в каждом из вновь образованных постсоветских государств, кроме России и Беларуси, строится на внедрении в массовое сознание идеи именно этнической солидарности, а не консолидации на основе надэтнических ценностей, способных сплотить людей независимо от этнического происхождения.

Прогрессирующее социальное расслоение, неизбежное в период системной трансформации, сопровождается в полиэтничном обществе и этносоциальной дифференциацией, разобщающей граждан одного государства и способствующей общей дестабилизации социальных и, в частности, политических отношений.

Эта тенденция — крайне опасна, хотя и легко объяснима: в условиях социально-психологической неустойчивости своего существования человек «возвращается» в этничность как в свою «большую семью», которая на уровне как массового, так и индивидуально-личностного сознания остается единственной

ценностно-нормативной константой, способной предотвратить социальную аномию и фрустрацию.

Именно с этим, скорее всего, связана неявная причина столь громких протестов со стороны представителей ряда российских народов, в частности, Татарстана и Башкирии, относительно отсутствия графы «национальность» (пресловутого «пятого пункта») в российских паспортах нового образца. Ценность этнического происхождения в сознании многих народов России все еще заметно превышает значимость общегражданской идентичности.

Сложность поиска государственной идеи в современной России как раз усугубляется тем, что на этнической основе, как в других постсоветских государствах, строить ее невозможно в силу федеративного устройства России и законодательно закрепленного равноправия всех российских народов — попытка внедрения «русской идеи» неизбежно встретит со стороны представителей национальных меньшинств, особенно территориально «обустроенных», вполне понятное неприятие и обвинение национального большинства (русских) в шовинизме и этноцентризме.

Между тем этничность постепенно, чаще всего неосознанно, и для русских становится «базовой» ценностью, чему, в частности, способствует актуализация этнических неравенств.

Этническое неравенство присутствует в любом этническом пространстве, ибо этнические группы, точно так же как и все прочие социальные группы, образуют определенную иерархию. Уже в самом этом обстоятельстве заложена потенция конфликта [10].

Однако если в дореволюционной России наряду с неравенством по сословному признаку универсальным основанием неравенства была конфессиональная принадлежность (не случайно, кстати, даже понятие «инородец», тождественное определению «чужак», относили исключительно к «не-православным» подданным Российской империи), а в СССР — идеологическое самоопределение, то в постсоветский период роль этничности как универсального основания неравенства существенным образом видоизменяется.

В дооктябрьский период любой «инородец», принявший православие (его в просторечии называли «выкрестом»), во всяком случае, формально, по документам становился русским, причем это относилось даже к евреям — наиболее дискриминируемой этнической группе в России. Иными словами, предписанный этнический статус можно было изменить, переменяв веру, и «русскость» попадала в ранг уже не аскриптивных, а достигаемых статусов. Этническому происхождению в унитарно организованной державе вообще придавалось значительно меньшее значение, чем впоследствии в СССР и во всех постсоветских государствах.

Об этом, кстати, косвенно свидетельствует содержание энциклопедического словаря, изданного в России в 1898 г., где географии (то есть пространству) империи отводится более 100 страниц, в то время как ее «племенному», или, выражаясь современным языком, национальному, составу — всего 22 строчки [11, с. 65].

Таким образом, становится очевидно, что этническое неравенство (а следовательно, и этническая стратификация) в Российской империи хоть и существовало (как в любой полиэтнической среде), но по своим последствиям (в

частности, «оцениванию») заметно уступало значимости неравенства религиозного, не говоря уже о сословном.

В СССР система социальных неравенств была обусловлена господствующей идеологией, самим характером социальных отношений и политических институтов. В высшую по престижности группу (страну) входила партийно-советская элита, внутри которой существовала еще и своя собственная иерархия. Второе и третье места по уровню материальных благ и привилегий делили высший слой интеллигенции, состоящий из выдающихся ученых и деятелей искусства, и «рабочая аристократия» (передовики, ударники и т. п.), имевшие высокий заработок, особые условия труда и быта, высокий престиж в обществе. Однако между партийно-советской элитой, с одной стороны, и последующими двумя в иерархии группами, с другой, существовала значительная дистанция по шкале власти.

Членство в этих группах было связано с позицией конформизма как соответствия нормативным политическим ожиданиям. Ориентация на достигаемый статус предполагала по меньшей мере идеологическую лояльность, приносившую позитивные санкции в форме различного рода и уровня привилегий. Наличие или отсутствие партийного билета явно и неявно предопределяло «награду» и «оценивание», а следовательно, и место в советской иерархии.

Однако уже с середины 1980-х гг. по мере распатывания идеологического «каркаса» Советского государства происходят стратификационные изменения: этничность в форме этнического статуса становится существенным элементом социальной дифференциации, в то время как идеологическое неравенство теряет свое значение в обретении более высокой социальной позиции.

Конечно, этническая стратификация самым тесным образом связана с другими признаками социального статуса — доходом, уровнем образования, профессией и т. п. Однако зачастую именно эти признаки, но особенно — доступ к власти и привилегиям, не говоря уж об «оценивании», напрямую или косвенно обусловлены этнической принадлежностью индивида.

Принято считать, что в современном обществе этничность как показатель социального статуса в чистом виде не выступает [12], однако именно в период системной трансформации в нашей стране она приобрела самостоятельное значение, актуализируясь в виде принадлежности к титульному народу постсоветских государств и национально-территориальных субъектов Российской Федерации (более высокий статус) или к национальным меньшинствам (более низкий статус).

Так, например, в прибалтийских государствах социальная иерархия наряду с иными признаками обусловлена и наличием или отсутствием гражданства этих стран: более высоким статусом обладают граждане (а это, главным образом, представители титульного народа и лишь малая доля так называемых «некоренных» жителей), а более низким — «неграждане» (подавляющее число лиц, не принадлежащих к «коренному» населению). Ориентация же на достигаемый статус, не говоря уже об аспекте «оценивания», ограничена наличием или отсутствием гражданства и, следовательно, косвенно-этнической принадлежностью!

В СССР партийная элита — высший слой социальной иерархии — состояла преимущественно из русских или русифицированных представителей других

народов СССР. Поэтому этнический статус русского был наиболее высоким, причислять себя к русским было престижно, ибо этот статус повышал вероятность получения большего объема властных полномочий и привилегий.

В постсоветском пространстве на фоне снижения статуса русского возрастает статус представителя титульного народа, причем это относится не только к государствам СНГ, в большинстве своем ориентированных на модель этнонационального государства, но и к национально-территориальным образованиям России. Характерно, что во втором случае статус члена титульной общности несоизмерим со статусом русского, причем независимо ни от численного соотношения титульного народа и русского населения в том или ином субъекте Российской Федерации, ни даже от того, что русские являются титульным народом государства в целом.

Таким образом выстраивается новая этническая стратификация, особенно болезненно воспринимаемая в тех случаях, когда на более низкие ступени иерархии по этническому признаку попадает не численное, а лишь номинальное «национальное меньшинство», как, например, в Латвии или в Казахстане.

Именно поэтому статусные изменения, сама социальная стратификация, рассматриваемая под углом зрения этничности, может стать основой межэтнического конфликта, ибо в основе любого из них лежит желание изменить существующее этническое неравенство и соответствующую ему систему власти, престижа и привилегий.

Литература

1. Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. L.; N. Y., 1996.
2. Heisler M. O. Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Massachusetts/Toronto, 1990. P. 21–52.
3. Бердяев Н. А. Судьба России, М., 1990.
4. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
5. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
6. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.
7. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993.
8. Социология / Под ред. Г.В.Осипова. М., 1995.
9. Eisenstadt S. N. Social Institutions: Comparative study // Sills D.L. (ed.) International Encyclopedia of Social Sciences. Macmillan and Free Press. Vol. 14. N.Y., 1968.
10. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in an Industrial Society. L., 1969.
11. Россия: Энциклопедический словарь. 1898. Перепечатка. М., 1992.
12. Об этом см.: Social Stratification: A Hierarchical Approach. N.Y., 1970.